

Н.Е. ТРОПКИНА, У ХАНЬ
(Волгоград)

ЭВОЛЮЦИЯ СООТНОШЕНИЯ РАЦИОНАЛЬНОГО И ЭМОЦИОНАЛЬНОГО В ОРНИТОЛОГИЧЕСКИХ ОБРАЗАХ РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ПОЭТОВ (ОБРАЗ ПАВЛИНА)

Рассматривается эволюция соотношения рационального и эмоционального в орнитологической образности русской и китайской поэзии на примере образа павлина.

Ключевые слова: образ, мотив, орнитоним, эмоциональное, художественная семантика

Соотношение рациональной и эмоциональной составляющей орнитологических образов в лирической поэзии может значительно варьироваться и меняться в процессе литературного развития. Пример тому – образ павлина в китайской и русской литературе.

Эмблематическое значение образа павлина основывается на его биологических свойствах: форме и характерной расцветке хвоста, походке, звукам, которые издает птица. Это значение может исторически меняться: павлин обозначает «бессмертие, долголетие, любовь. <...> Болтливость, чванливость и тщеславие – относительно поздние коннотации» [10, с. 236]. В китайской поэзии, как мы отметим ниже, актуализирована именно такая трансформация значений образа павлина – от позитивного к негативному смыслу.

М.Е. Кравцова пишет об особом значении образа павлина в китайском искусстве и о колебаниях в частотности и популярности этого орнитонима, который то сливался с фениксом, то дифференцировался с ним: «Отдельного разговора заслуживает и павлин (кунцяо), будучи, повторим, вероятным прототипом образа феникса. Известно, что вплоть до конца иньской эпохи павлины водились в регионе бассейна Хуанхэ и, возможно, почитались священными птицами» [8, с.404]. В семантике образа исследователь отмечает принадлежность к женской символике за исключением использования павлина в качестве рангового персонажа, о чем мы напишем ниже.

Во время династии Мин и Цзин павлин изображался спереди на официальной одежде в форме больших вышитых квадратов. В старинной китайской бюрократической иерархической структуре на одежде человека изображение павлина являлось статусным знаком и указывало на принадлежность данного человека к представителям третьего иерархического уровня.

В древнем Китае образ павлина являлся также символом бракосочетания. В книге «Новая история династии Тан» приводится сюжет: “此女有奇相，且识不凡，何可妄与人？因画二孔雀屏间，请昏者使射二矢，阴约中目则许之。射者阅数十，皆不合。高祖最后射，中各一目，遂归於帝” [16, с. 3914] (У одного военнотомандующего была красавица-дочь, Доу Ши. Отец хотел выдать ее замуж за лучшего воина, поэтому устроил состязание: тот, кто сможет попасть стрелой в глаз павлина, нарисованного на экране, станет его зятем. Этим человеком стал будущий император династии Тан – Ли Юань) (здесь и далее перевод наш – У.Х.). С тех пор существует выражение *кун пин чжун сюань* – *выбор посредством стрельбы в экран с павлином*, что означает выбор супруга, а образ павлина становится символом брачного союза.

В китайской поэзии образ павлина имеет ряд устойчивых значений, обычно репрезентируя такие категории, как любовь, красота, счастье. Поэма «Павлин летит на юго-восток» входит в коллекцию «Юэфу» (буквально «музыкальное отделение»). Юэфу – это жанр китайской литературы: стихотворная поэма в форме народной песни, известная со времен династии Хань. В те далекие годы у императорского правительства возникло желание собрать все талантливые литературные работы, созданные простыми людьми, народные песни и баллады. Произведения в будущем станут называться «песни юэфу».

К образу павлина обращаются и китайские поэты первой трети XX в. Образ павлина в их стихотворениях может сохранять с незначительной трансформацией традиционное значение. Поэт Ю Гуанчжун в своем стихотворении «Огневое купание» пишет:

*На жарком востоке живет один феникс,
Из огня родился, и наконец вернулся в огонь.
Огонь – место, через которое храбрец должен пройти.*

<...>

*Белый павлин, лебедь, журавль
Белая одежда, белые перья,
Остановилось время,
Там обитает отшельник.*

В данном стихотворении образ феникса и образ павлина символизируют людей, у которых различные жизненные позиции и поведение. Образ феникса символизирует активного, смелого, пылкого человека, образ павлина – хладнокровного, бесстрастного, как отшельник. Симпатии автора явно на стороне феникса.

Однако чаще значение образа павлина у китайских поэтов первой трети XX в. трансформируется, орнитоним приобретает сатирический смысл. Пример тому – стихотворение «Два мира», его автор Му Дань. Произведение носит остро социальный характер, в нем использован прием противопоставления:

*Смотри, она наряжается как красивый павлин –
Цветные перья с белыми кружевами,
Розовое платье в толпе волочится,
Радостное сердце по небу волочится.
Красота приводит ее в безумный восторг,
Вызвать овации – это ее желание;
«Благородство, слава, репутация – вот ее мир!»*

<...>

*В чане руки женщины отмачивала целый день,
Она с опухшими руками, головокружением, усталым телом,
В темноте пришла домой и грустно вздыхала...
Жизнь перемалывает человека в грязь! [17, с.55]*

В данном стихотворении Му Дань сопоставил двух женщин: первая женщина красивая, как «павлин», а вторая – бедная, больная. Здесь образ павлина – сатирическая аллегория социально и нравственно порочного человека.

Близкое к этому значение имеет образ павлина в поэме Го Мо-жо «Нирвана Фениксов».

*Павлин:
Ага, фениксы! Фениксы!
Напрасно вы прикинулись владыками пернатых!
Вы умерли? Вы умерли?
Отныне все любят только моим хвостом павлиньим!*

В европейском искусстве также содержится обращение к образу павлина. В античной традиции павлин – священная птица Геры (Юноны), которая, согласно мифу, одарила его тысячей глаз погибшего великана Аргуса. В Древнем Риме птицей императора считался орел, а птицей императрицы и ее дочерей был именно павлин [7, с. 469]. Это проявлялось и в более поздние эпохи: «Павлиний хвост, в частности, появляется в восемьдесят четвертой эмблеме “Символического искусства” Босха в качестве символа смешения всех цветов, а также идеи целого. Этим объясняется, почему в христианском искусстве он выступает как символ бессмертия и нетленной души» [6, с. 379].

В русской поэзии образ павлина встречается не так уж часто по сравнению с другими орнитонами. В русской лирике XVIII – XIX вв. актуализируется не столько красота птицы, сколько ее непри-

ятный крик. В ряде стихотворений отмечено и то, и другое в противопоставлении, например, в стихотворении Г. Державина 1791 г. описывается красота павлина, а финал, когда раздается голос павлина, придает тексту аллегорически-сатирический смысл:

*Но что за чудное явление?
Я слышу некий странный визг!
Сей Феникс опустил вдруг перья,
Увидя гнусность ног своих.
О пышность! как ты ослепляешь!
И барин без ума – павлин. [5, с.161]*

Павлин как аллегорический персонаж встречается в басне И. Крылова «Павлин и соловей», где предметом авторского изображения также оказывается контраст между внешней красотой и звуками, напоминающими мяуканье кошек. Авторская мораль – *глупо голоса по перьям выбирать*, что переносится на человеческие качества. Оба произведения, Г. Державина и И. Крылова, обращены не столько остро социальным, сколько к нравственным темам, однако значение образа павлина в них далеко от его значения в классической китайской традиции и близко к трансформации смысла орнитонима в китайской поэзии первой трети XX в.

В русской поэзии первой трети прошлого столетия, как и в искусстве в целом, активизируется интерес к образу павлина. Художественным фоном к этой активизации стала эпоха европейского модерна, когда изображение павлина является весьма распространенным, становится одним из символов «Нового стиля», устойчивым элементом в разных видах искусства, включая живопись, архитектуру, дизайн, произведения массовой культуры.

В русской поэзии в конце XIX – начале XX вв. к образу павлина обращались поэты-символисты К. Бальмонт, Д. Мережковский, А. Блок. В стихотворении Д. Мережковского «Когда вступал я в жизнь, мне рисовалось счастье», датированном 1885 г., образ павлина – атрибут воображаемой прекрасной картины мира, которая рисуется романтически настроенному лирическому «я»:

*Толпу нарядных жен баюкали гондолы,
Роняя за собой над зеркалом прудов
То складки бархата и звуки баркаролы,
То вздохи мандолин и лепестки цветов.
На гладких лестницах из черного агата
Павлины нежились, и в чудные цвета
Окрашивался блеск их пышного хвоста;
И всюду – музыка и волны аромата,
И надо всем любовь, любовь и красота. [13]*

В стихотворении А. Блока «Комета» (датировано сентябрем 1910 г.) атрибутом современного суетного мира является хвост павлина:

*Наш мир, раскинув хвост павлиний,
Как ты, исполнен буйством грез:
Через Симплон, моря, пустыни,
Сквозь алый вихрь небесных роз,
Сквозь ночь, сквозь мглу – стремят отныне
Полет – стада стальных стрекоз! [2, с. 95]*

Картина трагической гибели мира, предвестием которой становится комета, не позволяет увидеть в образе павлина лишь узкоморализаторский смысл, в тексте имплицитно содержится мысль о хрупкости сущего, символом которого являются птицы и стрекозы.

А. Ахматова, Н. Гумилев, А. Блок, О. Мандельштам, В. Маяковский. Однако смысл образа данной птицы в русской и в китайской поэзии этого периода по преимуществу различен. В русской поэзии первой трети XX века художественный смысл образ павлина отталкивается от традиции его семантики в русской поэзии XVIII – XIX вв. Павлин становится экзотизмом, которые столь характерны для русской лирики этого периода [14; 15]. В стихотворении Г. Гумилева «Рассвет» из сборника стихов «Романтические цветы» павлин символизирует красоту – высокую, холодную, чуждую людям:

<.....>

*И погасли изумруды Змея
И Павлина веерное диво.*

*Что нам в бледном утреннем обмане?
И Павлин, и Змей – чужие людям.
Вот они растаяли в тумане,
И мы больше видеть их не будем.* [4, с.83–84]

В датированном 9 ноября 1910 г. стихотворении А. Ахматовой «Он любил...», в котором речь идет о Н.С. Гумилеве, упоминание белых павлинов является емкой характеристикой героя:

*Он любил три вещи на свете:
За вечерней пенью, белых павлинов
И стертые карты Америки.
Не любил, когда плачут дети,
Не любил чая с малиной
И женской истерики.
...А я была его женой.* [1, с. 36]

Смысл орнитонима можно интерпретировать в нем по-разному, нам кажется, что *белые павлины* здесь, наряду со стертыми картами Америки, воссоздают образ путешественника, эстета, любителя экзотики и вместе с тем приверженца традиций. Б.М. Гаспаров пишет: «В стихотворении Ахматовой прошедшее время первоначально имело лишь чисто стилистическое значение, придавая повествованию «эпическую» интонацию; однако ретроспективно, после гибели Гумилева, этот прием сообщил стихотворению характер воспоминания об умершем» [3, с. 175]. В русле этой семантики и нового ореола, который образ павлина обретает в прозе и публицистике революционных лет, орнитологический образ получает новый смысл: прекрасное, ставшее жертвой жестокого века. Более детальное рассмотрение этой темы выходит за рамки нашего исследования.

Характерна художественная семантика образа «павлиньего крика» в стихотворении О. Мандельштама «Концерт на вокзале» (1921 г.):

*Огромный парк. Вокзала шар стеклянный.
Железный мир опять заморожен.
На звонкий пир в элизиум туманный
Торжественно уносится вагон:
Павлиний крик и рокот фортепьянный.
Я опоздал. Мне страшно. Это – сон.* [11, с. 139]

Смысл образа «павлиний крик» рассматривается в ряде работ, в частности, в трудах Б.М. Гаспарова [3], Г. Кружкова [9] и других ученых. Г. Кружков отмечает, что смысл «павлиньего крика» не исчерпывается звуковой метафорой паровозного гудка. Исследователь пишет о теме бессмертия, воплощенного в музыке, и одним из художественных средств выражения этой идеи является образ павлина, который имеет определенный семантический ореол, отсылающий к мифопоэтической традиции и

к традициям европейской литературы, прежде всего – к Йейтсу [см.: 9]. В русле нашего исследования важно отметить, что в стихотворении О. Мандельштама павлиний крик и сама птица являются символом красоты, ее высокого смысла.

Необходимо упомянуть и еще одно обращение к образу павлина в русской поэзии первых десятилетий XX в. – стихотворение В. Маяковского «Гимн судье»:

*Попал павлин оранжево-синий
под глаз его строгий, как пост, -
и вылинял моментально павлиний
великолепный хвост!* [12, с. 66]

В этом стихотворении В.В. Маяковского, имеющем сатирический смысл, павлин является не предметом осмеяния, а жертвой чиновника – судьи.

Подводя итог, можно сказать, что в русской и китайской поэзии прослеживается динамика соотношения рационального и эмоционального в художественной семантике образа павлина. Орнитоним как рациональная аллегория характерен для творчества китайских поэтов первой трети XX в., с одной стороны, и для творчества русских поэтов XVIII – начала XIX вв. с присущим для классицизма рационализмом – с другой. В русской лирике первой трети XX в. образ павлина наполняется новым смыслом, в котором преобладает эмоциональное или мистическое начало.

Литература

1. Ахматова А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. Стихотворения. 1904–1941. М.: Эллис Лак, 1998.
2. Блок А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. III. Стихотворения. Книга третья (1907–1916). М.: Наука, 1997.
3. Гаспаров Б.М. О функции подтекста в поэтическом тексте («Концерт на вокзале») // Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993. С.162–186.
4. Гумилев Н. Стихотворения и поэмы. – Л.: Советский писатель, 1988. – 632 с. (Б-ка поэта. Большая серия).
5. Державин. Г. Р. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1957.
6. Керлот Хуан Эдуардо. Словарь символов. М.: «REFL-book», 1994.
7. Королев К.М. Энциклопедия символов, знаков, эмблем. М.: Изд-во «Мидгард. Эксмо», 2005.
8. Кравцова Кравцова М.Е. История искусства Китая. М.: Лань, Триада, 2004.
9. Кружков Г. Крик павлина и конец эстетической эпохи: О «тройном созвучии» у Мандельштама, Йейтса и Стивенса // Ностальгия обелисков. Литературные мечтания М.: Новое литературное обозрение, 2001. С.323–334.
10. Купер Дж. Энциклопедия символов. М.: Ассоциация Духовного Единения «Золотой век», 1995.
11. Мандельштам О.Э. Сочинения: в 2 т. Т.1. Стихотворения. Переводы. М.: Худож. лит., 1990.
12. Маяковский В. В. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 1. – М.: Правда, 1978.
13. Мережковский Д.С. Стихотворения, поэмы, переводы поэзии. [Электронный ресурс]. URL : <http://merezhkovsky.ru/lib/poetry>.
14. Фаустов А.А. Венки из орхидей (об одном экзотизме в русской литературе рубежа XIX – XX вв.) // Восток – Запад в пространстве русской литературы и фольклора: материалы Третьей Междунар. науч. конф. (заоч.). 19 нояб. 2008 г. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. С. 207–215.
15. Фаустов А.А. Экзотическое и его семантика в русской литературе начала XX в. Филологические записки // Вестник литературоведения и языкознания. Вып. 27. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2008. С.31–43.
16. 北京: 中华书局, 1975.(Оуян Сю. Новая история династии Тан/Оуян Сю. Пекин: Китайское издательство, 1975.)
17. 北京: 人民文学出版社, 2014. (Му Дань. Сборник Му Дань. — Пекин: Народное литературное издательство, 2014.)

Evolution of correlation of the rational and the emotional in the ornithological images by Russian and Chinese poets by the example of a peacock image

There is considered the evolution of correlation of the rational and the emotional in the ornithological images of the Russian and Chinese poetry by the example of a peacock image.

Key words: *image, motive, ornithonym, the emotional, artistic semantics.*